
ЛОГИКА И АРГУМЕНТАЦИЯ: CASE STUDY

---

*Яна Маркова*¹

АНАЛИЗ ОФИЦИАЛЬНОЙ РИТОРИКИ ПРОТИВНИКОВ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОПРОЕКТА «О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Аннотация. Работа посвящена анализу риторических стратегий и стоящих за ними предпосылок, используемых противниками принятия законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» в ходе широкой дискуссии, развернувшейся вокруг этого законопроекта в 2019 г. В работе анализируются три текста: общественное открытое письмо президенту России, заявление Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства при РПЦ и официальный ответ Минюста РФ на запрос ЕСПЧ по вопросам домашнего насилия в стране. В исследуемых материалах выделяются общие темы, риторические ходы и ценностные убеждения, предположительно диктующие их использование. Сходство трёх примеров исследуемой риторики позволяет предположить её использование в качестве инструмента для национальной консолидации вокруг общего политического нарратива. Кроме того, предпринимается попытка связать риторику противников законопроекта с более широким международным контекстом как реализацию глобального «анти-гендерного поворота» в российском контексте.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, российская гендерная политика, риторические стратегии, политический нарратив, анти-гендерный поворот.

Iana Markova

AN ANALYSIS OF THE OFFICIAL RHETORIC AGAINST THE ENACTMENT OF THE DRAFT BILL “ON DOMESTIC VIOLENCE PREVENTION IN THE RUSSIAN FEDERATION”

Abstract. The study explores the rhetorical strategies and premises employed by opponents of the enactment of the draft bill “On domestic violence prevention in Russian Federation” in the course of the wide public discussion about the bill during 2019. Three texts are analyzed: an open letter to the president of Russia, a statement of The Patriarchal Commission on Family, Maternal, and

---

¹ *Маркова Яна Максимовна* — магистрантка программы «Социально-политическая философия», факультет социологии и философии, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Iana Markova, student of the Graduate Program “Social and Political Philosophy”, Department of Sociology and Philosophy, European University at St. Petersburg.
yarkova@eu.spb.ru

Child Welfare (Russian Orthodox Church), and an official answer by The Ministry of Justice of the Russian Federation to an inquiry made by European Court of Human Rights concerning domestic violence in the country. Common themes and rhetorical figures are emphasized, as well as convictions supposedly dictating their usage. Resemblance found between the three examples of the rhetoric allows for a hypothesis about such rhetoric being used as a means of national consolidation around a common political narrative. Moreover, an attempt is made to connect the rhetoric of the opponents of the bill to a wider international context as an instance of global “anti-gender turn” in the Russian reality.

Keywords: domestic violence, Russian gender politics, rhetorical strategies, political narrative, anti-gender turn.

1. Введение

Законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», неофициально известный как «закон о домашнем насилии», имеет долгую историю. 28 сентября 2016 г. он был впервые внесён в Госдуму, однако его отклонили и отправили на доработку по причине несоответствия существующему законодательству (Государственная Дума 2016: п. 142). В 2019 г. началась активная подготовка к новому внесению законопроекта в парламент, сопровождаемая острой дискуссией в социальных сетях и других медиа, флешмобами, пикетами и митингами как в поддержку законопроекта, так и против него (Миронова 2019). 29 ноября 2019 г. Совет Федерации опубликовал текст законопроекта для общественного ознакомления и обсуждения (Совет Федерации 2019), однако, по утверждениям авторов изначальной версии законопроекта, финальная версия, опубликованная Совфедом, включает серьёзные правки, которые делают невозможной работу закона согласно оригинальному замыслу и являются «реверансом в сторону фундаменталистов» (Горин 2019). На момент написания этой работы общественное обсуждение законопроекта на сайте Совета Федерации завершено, дальнейшая его судьба пока неясна.

Предметом рассмотрения этой работы стала официальная риторика тех участников дискуссии вокруг закона о домашнем насилии, которые оппонировали его принятию. «Официальная» в данном случае понимается как противопоставленная «неформальной»: законопроект вызвал самое широкое обсуждение, породив массу комментариев, обсуждений и конфликтов в социальных сетях, высказывания отдельных должностных лиц, а также уличные акции, однако для анализа были выбраны не слова отдельных людей, но заявления институций или объединений, имеющие официальный характер, или по крайней мере претендующие на него. Этот выбор обусловлен, во-первых, стремлением чётко очертить границу предмета исследования и не потеряться в обилии материала и, во-вторых, представлением об официальных заявлениях как о более структурированных и, вероятно, полнее репрезентирующих логику, лежащую в основе позиции их авторов.

В качестве предмета исследования были выбраны три текста. Первый — это открытое письмо президенту России В. В. Путину «Мы против принятия Закона о профилактике домашнего насилия!», опубликованное на сайте ИА REGNUM и подписанное 181 общественной организацией (ИА REGNUM 2019); оно призвано представлять риторику, используемую общественными организациями и гражданскими активистами, выступающими против законопроекта — и, таким образом, предположительно более всего приближено к «неформальной» риторике. Второй текст — заявление Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства в связи с обсуждением проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (ПКВСЗМД 2019) — отображает более высокий уровень институционализации, представляя риторику РПЦ, которая, хотя и не является государственной организацией, оказывает сильное влияние на политику России. Наконец, третий текст — это официальный ответ Минюста РФ на запрос ЕСПЧ, направленный России по результатам жалоб четырёх пострадавших от насилия россиянок (Натальи Туниковой, Елены Гершман, Маргариты Грачёвой и Ирины Петраковой), объединённых общей проблемой — отсутствием в РФ эффективных механизмов борьбы с домашним насилием. К сожалению, хотя запрос ЕСПЧ находится в открытом доступе (ЕСHR 2019a), ответ Правительства РФ — нет, поэтому в работе рассматриваются его пересказы в изданиях, получивших к нему доступ (Черных 2019; Коробка 2019). Хотя в сообщении Минюста конкретно законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» ещё не рассматривается, тематическое и временное совпадение (и, в частности, тот факт, что одной из претензий ЕСПЧ является отсутствие в России особых механизмов по борьбе с домашним насилием) позволяет включить этот текст в исследование как пример позиции и риторики государства — высший уровень институционализации — по поводу закона о домашнем насилии.

Три примера риторики — общественный, церковный и государственный — демонстрируют очевидное сходство, что позволяет объединить их в единый нарратив. Я выделила пять тезисов, структурирующих этот нарратив (каждый тезис присутствует по крайней мере в двух примерах из трёх): 1) *пропоненты законопроекта — злонамеренные агенты внешних сил*, 2) *проблема домашнего насилия преувеличена*, 3) *мужчины подвергаются дискриминации уже сейчас, закон ударит по ним ещё сильнее*, 4) *закон рассматривает нормальные семейные явления в качестве насилия*, 5) *профилактика домашнего насилия — это только предлог и первый шаг для введения ювенальной юстиции, однополых браков и разрушения традиционной семьи*. Ниже эти тезисы будут подробно рассмотрены на материале примеров; из них будет предпринята попытка вывести предпосылки, стоящие за риторикой, направленной против принятия закона.

Кроме того, из всего анализа делается два вывода. Во-первых, сам факт совпадения нарратива на уровнях общественности, церкви и государства свидетельствует о необычном единстве российского общества и позволяет охарактеризовать противостояние принятию закона о домашнем насилии как консолидирующую силу или национальную идею — во всяком случае, как попытку выработать таковую и создать видимость народного единства. Во-вторых, сходство анализируемой риторики с риторикой некоторых общественных движений в других странах Европы и Америки даёт нам право причислить её к реализации на российской почве глобального «анти-гендерного поворота»² — а, установив сходство, можно определить и специфику этого явления в российском контексте.

2. Основные аргументы

Важное замечание: цель этого анализа — не установить истинность или ложность тезисов противников принятия закона о домашнем насилии. Предметом исследования является исключительно конструкция их риторики и стоящие за ней ценностные предпосылки. Тем не менее, нельзя не отметить, что некоторые высказывания относительно готовящегося законопроекта не соответствуют его содержанию. В частности, в тексте, выложенном на сайте Совета Федерации, ни разу не упоминаются слова «мужчина», «женщина», «муж» или «жена», и законопроект в целом имеет гендерно-нейтральный характер (см.: Совет Федерации 2019), что делает некоторые тезисы анализируемой риторики менее обоснованными, но, вместе с тем, даже более ценными для целей моего исследования, поскольку такие искажения, как, например, рассматриваемое ниже представление о том, что закон демонизирует или дискриминирует мужчин, намного больше говорят о ценностных установках говорящих, когда они не соответствуют фактической истине.

Для удобства далее названия трёх анализируемых текстов будут сокращаться следующим образом: открытое письмо президенту России, подписанное 181 общественной организацией — как *ОП*; заявление Патриаршей Комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства — как *ПК*; ответ Минюста РФ Европейскому суду по правам человека (а точнее — переписки этого ответа в вышеупомянутых изданиях) — как *МЮ*.

2.1. Портрет пропонентов закона

Первым тезисом, который можно выделить во всех трёх текстах, является утверждение злонамеренности сторонников принятия закона по отношению к России через их предположительную связь с различными (зарубежными) силами, чьи интересы угрожают национальной безопасности и стабильности

---

² См.: Korolczuk, Graff 2018; Paternotte, Kuhar 2018.

российских семей и общества. Так, *ОП* утверждает, что законопроект является «порождением радикальной антисемейной идеологии феминизма и т. н. „гендерной идеологии“», что его принятия добивается «международное и российское феминистское лобби», что «на Россию оказывается беспрецедентное зарубежное давление с целью добиться принятия» этого закона, а также что

...среди более 70 «правозащитных» организаций, выступивших в поддержку принятия закона о профилактике семейно-бытового насилия, нет ни одной организации, деятельно поддерживающей традиционные семейные и нравственные ценности. Зато среди них представлен целый ряд организаций, отстаивающих интересы гомосексуалистов и лесбиянок... а также радикальных феминистских структур... и организаций, являющихся иностранными агентами. (ИА REGNUM 2019)

Таким образом, в числе «врагов России» оказываются следующие группы и организации: ЛГБТ-люди, феминистки, кризисные центры для женщин, а кроме того — ЕСПЧ:

Одним из инструментов оказания этого давления стало принятие 09.07.19 решения Европейского суда по правам человека по делу «Володина против России» (41 261/17)³, в котором наша страна обвиняется в отсутствии соответствующего закона... Решение ЕСПЧ в значительной степени основано на позиции Фонда Равноправия, неправительственной организации из Лондона, которая, работая по бывшему СССР, реализует многочисленные ЛГБТ-проекты. (ИА REGNUM 2019)

Однако за решением ЕСПЧ стоят не только ЛГБТ-организации, но и более привычный враг:

...во многих странах мира лоббированием законов о профилактике семейного насилия и Стамбульской конвенции занимаются структуры, представляющие интересы Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)⁴. (ИА REGNUM 2019)

ПК присоединяется к авторам *ОП* в характеристике проponentов закона о домашнем насилии:

---

3 См.: ECHR 2019b.

4 О фигуре Дж. Сороса как «главного врага» см.: Ванунц 2019.

Не вызывает удивления тот факт, что предлагаемый законопроект активно поддерживают организации, связанные с радикальными антисемейными идеологиями («ЛГБТ»-идеология, феминизм), а также значительное количество организаций, официально получающих иностранное финансирование. (ПКВСЗМД 2019)

В случае же *МЮ*, поскольку речь идёт не о конкретном законопроекте, а о жалобах пострадавших от домашнего насилия женщин на отсутствие эффективных механизмов защиты от него, вопрос лоббирования и иностранного давления не поднимается (кроме того, Минюст даже заверил ЕСПЧ, что Россия принимает необходимые меры по исполнению вышеупомянутого постановления по делу «Володина против России» (ЕCHR 2019b)). Тем не менее, в том же документе утверждается, что обратившиеся в ЕСПЧ «четыре женщины своими жалобами пытаются „неверно истолковать общую ситуацию с домашним насилием в России“ и „подорвать правовые механизмы, уже существующие в российском законодательстве, а также усилия правительства для улучшения ситуации“» (Черных 2019). Таким образом, требование создания новых механизмов борьбы с домашним насилием и в случае *МЮ* расценивается как неправомерное и злонамеренное давление на Россию.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод: за принятие закона о домашнем насилии выступают те, кто более или менее сознательно работают на внешние (ЕСПЧ, Фонд Сороса, «международное феминистское лобби») или внутренние (ЛГБТ- и феминистские организации, иностранные агенты) силы, стремящиеся навредить России. Эта конструкция представляет из себя комбинацию из аргумента *ad hominem*⁵ (принятие закона нежелательно, потому что его предлагают предположительно «плохие» люди) и использования «нагруженных терминов» (loaded terms)⁶ — слов и выражений с сильными эмоционально нагруженными коннотациями, призванных с помощью аффективного воздействия сместить восприятие аудитории в нужную сторону, например «радикальные антисемейные идеологии», а также «гомосексуалисты»⁷.

2.2. Масштаб проблемы домашнего насилия

Во всех трёх примерах исследуемой риторики присутствует следующий тезис: масштаб проблемы домашнего насилия сильно преувеличен, причём в двух случаях из трёх утверждается, что проponentы закона делают это на-

---

5 См.: Walton 2006: 122–127.

6 См.: Walton 2006: 219–224.

7 Многими специалистами данный термин классифицируется как некорректный и содержащий патологизирующие коннотации, см.: Клейн 2000: 864; Кон 2002: 12–13.

меренно, чтобы ввести людей в заблуждение и заставить их поддержать вредный закон. Так, *ОП* заявляет, что

СМИ почти ежедневно выдают абсолютно недостоверную информацию о зашкаливающих цифрах «семейной» преступности и сюжеты о страшных преступлениях в семьях для формирования ложного этому законопроекту общественного мнения. В Интернете раскручивают основанную на ложных данных петицию в поддержку принятия закона, создавая видимость «народной» поддержки. ⟨...⟩ Пропаганда принятия такого закона в России основана на недобросовестных манипуляциях, введении в заблуждение общественности и представителей власти в отношении юридической и статистической составляющих вопроса. (ИА REGNUM 2019)

Таким образом, не только данные о семейно-бытовом насилии завышены, но и общественная поддержка закона — видимость, созданная за счёт искусственной раскрутки соответствующей петиции и повышенной активности СМИ. *МЮ* осторожно поддерживает тезис о преувеличенности проблемы, не обвиняя, однако, в этот раз никого в злонамеренности:

Правительство признает, что «явление насилия в семье, к сожалению, существует в России, как и в любой другой стране», но подчеркивает, что «масштабы проблемы, а также серьезность и масштабы его дискриминационного воздействия на женщин в России достаточно преувеличены». (Черных 2019)

ПК же поддерживает позицию *ОП* более интенсивно и развернуто:

Наш народ убеждают, что российская семья — это просто мрачный застенок и пыточная камера для женщин и детей. Чтобы создать это впечатление, распространяются данные, которые выдаются за статистику, но... не имеют под собой никаких реальных оснований. ⟨...⟩ Неблагоденные люди манипулируют общественным мнением, воздействуя на эмоции доверчивой публики. Они старательно создают у общества впечатление, что брак и семья — это зло, источник угрозы и опасности для женщин и детей. (ПКВСЗМД 2019)

Отдельный интерес вызывает продолжение:

Между тем хорошо известно, что это неправда. Реальные статистические данные убедительно показывают, что брак и основанная

на нем семья — это основная защита женщин и детей от всех реальных угроз, с которыми они могут столкнуться. (ПКВСЗМД 2019)

Критикуя приводимые проponentами закона данные о масштабах домашнего насилия, *ПК* ссылается на правовой анализ законопроекта, выполненный аналитическим центром «Семейная политика.рф», где эти данные действительно опровергаются (АЦ «Семейная политика.рф» 2019) (истинность тех или иных данных сейчас не имеет значения), однако дальнейшее утверждение о том, будто «реальные статистические данные убедительно показывают», что брак и семья — это лучшая защита от «всех реальных угроз», с которыми могут столкнуться женщины и дети, не подкрепляется никакими ссылками.

Отсюда можно сделать два вывода. Во-первых, утверждение об «убедительности» какого-то факта без ожидаемых доказательств ясно свидетельствует, что речь в действительности идёт не столько о фактах, сколько о ценностных предпосылках: с точки зрения авторов *ПК*, семья априори является наиболее безопасным местом для женщин и детей, и спорить с этим — значит грешить не просто против факта, но против ценностно окрашенной истины. Во-вторых, привлекает внимание словосочетание «реальные угрозы»: вновь воспользовавшись концепцией «нагруженных терминов», можно сказать, что здесь имплицитно заложено противопоставление настоящих угроз, от которых семья защищает, неким надуманным угрозам, о которых говорят проponentы закона, и которые, по их словам, угрожают женщинам и детям внутри семьи («реальные» — в противоположность предполагаемым негативно коннотированным «нереальным»). Сопоставление двух этих посылок: «в семье дети и женщины находятся в полной безопасности» и «семья защищает женщин и детей от реальных угроз, а не от того, что называют угрозами проponentы закона», — приводит к выводу: «семья не защищает женщин и детей от того, что называют угрозами проponentы закона, но это хорошо, потому что эти угрозы на самом деле не являются угрозами». Подробнее эта позиция будет рассмотрена ниже.

2.3. «Мужской вопрос»

Любопытно, что противники принятия закона придают проблеме гендерную окраску (которая, как было указано выше, отсутствует в тексте законопроекта), причём таким образом, что дискриминируемым гендером оказываются мужчины. Так, в *ОП* мы читаем:

Юридически проект [закона] представляет собой воплощение механизмов, заложенных в Стамбульской Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и до-

машним насилием. Борьба с «мужским насилием», согласно этой конвенции, строится на презумпции вины мужчины, представляя собой дискриминацию по половому признаку. (...) Он [закон] направлен на дискриминацию мужчин и разрушение семьи. (ИА REGNUM 2019)

Таким образом, борьба с домашним насилием, несмотря на отсутствие указания на это в тексте законопроекта, воспринимается оппонентами как борьба со специфически мужским насилием. Иными словами, оппоненты вполне представляют, что гендерно-нейтральное «домашнее насилие», с которым предлагает бороться закон, в реальности имеет гендерную окраску — преимущественно исходит от мужчин и направлено против женщин и детей. Однако, в соответствии с обозначенной в конце предыдущего раздела позицией, они не считают это насилие — насилием, а законодательную борьбу с ним классифицируют как дискриминацию мужчин.

Ещё более любопытным оказывается текст *МЮ*:

Даже если предположить, что большинство лиц, подвергающихся насилию в семье в России, на самом деле являются женщинами (хотя никаких доказательств этого утверждения не существует), логично предположить, что жертвы мужского пола больше страдают от дискриминации в таких случаях. Они находятся в меньшинстве, и от них не ожидается просьб о защите от жестокого обращения со стороны членов семьи, особенно если они страдают от лица противоположного пола. (Черных 2019)

Нужно отметить, что в случае коммуникации Минюста и ЕСПЧ речь действительно идёт о домашнем насилии над женщинами⁸, а не о гендерно-нейтральном насилии из законопроекта. Однако, по мнению Министерства, в отношении домашнего насилия больше дискриминированы мужчины — даже если статистически от него чаще страдают женщины (что было подтверждено далее в том же тексте⁹). Остаётся непонятным, почему, несмотря на признаваемую авторами *МЮ* проблему с домашним насилием (пусть и противоположную той, что была заявлена в претензии ЕСПЧ, однако, вероятно, тоже реальную), их вывод — оставить всё как есть: «Российское государство

---

8 См.: ECHR 2019a.

9 См.: Коробка 2019: «При этом далее российские власти фактически опровергли тезис о том, что мужчины чаще страдают от домашнего насилия. Рассуждая о неверной оценке заявителями масштабов семейного насилия, правительство сообщило, что, согласно данным МВД, жертвами нападений со стороны членов семьи в 2018 г. стали чуть более 33 тыс. человек, что составляет немногим больше 10% от числа жертв всех насильственных преступлений. Тут же Россия указала, что из 33 тыс. жертв семейного насилия 23,5 тыс. составляют женщины, т. е. более 70%».

полностью выполнило обязательство по созданию законодательной базы, эффективно решающей проблему домашнего насилия... Нет особой необходимости в принятии конкретных нормативных актов, касающихся явления насилия в семье» (Черных 2019).

В тексте *ПК* проблема «дискриминации мужчин» не затрагивается; более того, само слово «мужчина» (и производные) использовано в нём единожды, а «семья» в целом употребляется синонимично с «женщины и дети» (ПКВСЗМД 2019). Этот факт может свидетельствовать об определённом андроцентризме исследуемой риторики, поскольку текст, выходит, обращён исключительно к мужчинам, для которых «семья», предположительно, и должна совпадать с «жена и дети».

2.4. Определение семейно-бытового насилия

Пожалуй, ключевым пунктом риторики оппонентов является несогласие по поводу того, какие явления семейной жизни предлагается расценивать в качестве насилия. Так, *ОП* утверждает: «„Насилие“ определено в законопроекте безразмерно широко, включает в себя т. н. „психологическое и экономическое“ насилие, которое охватывает собой обычные житейские ситуации» (ИА REGNUM 2019). Особые опасения вызывает введение практики охранных ордеров (предписаний, на какое-то время запрещающих нарушителю приближаться к жертве домашнего насилия): «При этом охранный ордер может быть выдан без суда и следствия... в том числе против воли пострадавшего. Нарушение ордера грозит арестом. То есть желание супруга помириться с супругой может обернуться тюрьмой» (ИА REGNUM 2019). (Обратим внимание вновь на то, что оппонентам закона вполне известна реальная гендерная динамика «семейно-бытового насилия»: охранный ордер не позволяет мужу приближаться к жене.) *МЮ* вторит опасениям *ОП*:

Законодательство РФ «полностью соответствует семейно-охранительному подходу, согласно которому чрезмерное вмешательство государства в частную и семейную жизнь нарушает право личности на неприкосновенность частной жизни. В том числе и ее выбор урегулировать ситуацию с обидчиком ради сохранения личных отношений в семье, а не оставлять этот вопрос на усмотрение органов государственной власти». (Черных 2019)

Иными словами, оба текста признают реальность неких ситуаций семейной жизни, после которых один из супругов ищет примирения с другим (*ОП*, более того, говорит об обидчике, ищущем примирения, как о мужчине, а о пострадавшем — как о женщине), и которые расцениваются законопроектом как насилие; несогласие вызывает именно классификация этих ситуаций как

ненормальных и требующих законодательного вмешательства. То, что законопроект называет насилием, является, по мнению оппонентов, нормальной частью семейной жизни.

Ещё более эксплицитно об этом высказывается *ПК*:

Вместо решения реальных проблем общественность убеждают, что источник насилия — дом и семья. Именно ради этого исторически понятия «домашнего» и «семейного насилия» и были сконструированы представителями радикальных антисемейных идеологий, таких, как феминизм, которые сознательно ставили перед собой цель деконструкции семьи, семейной жизни и всех связанных с ними традиционных ценностей. Использование подобных понятий лишь затрудняет понимание и анализ реальных причин социальных проблем. (ПКВСЗМД 2019)

Само понятие «домашнего насилия», таким образом, оценивается как вредоносное. Как мы видели в разделе 2.2, семья априори является наиболее безопасным местом, а явления, классифицируемые проponentами закона как «домашнее насилие», — это естественная часть семейной жизни, а вовсе не насилие. Таким образом, здесь имеет место использование сущностного определения в качестве риторической стратегии¹⁰: в определении насилия, лежащем в основе аргументации оппонентов закона (ни разу не озвучиваемом эксплицитно, и потому восстанавливаемом косвенным образом) должен содержаться следующий тезис: *в семье не может быть насилия*. Что же касается «реальных проблем» и «причин настоящего насилия» — в их числе перечисляются «кризис нравственного сознания, невнимание к традиционным семейным и духовно-нравственным ценностям (и пропаганда, откровенно направленная против них)» (ПКВСЗМД 2019). Иными словами, одна из причин «настоящего насилия» — это продвижение закона по борьбе с «семейно-бытовым насилием», поскольку эта инициатива в том же тексте неоднократно оценивается как антисемейная и подрывающая нравственность.

2.5. Подлинные цели принятия закона

Данный тезис отсутствует у *МЮ*, поскольку речь о конкретном законопроекте там не идёт; впрочем, как я показала в разделах 2.3 и 2.4, к принятию какого бы то ни было закона по предотвращению домашнего насилия Минюст относится настороженно. Что касается *ОП* и *ПК*, то здесь предполагаемые намерения проponentов законопроекта изложены развернуто. Так, *ОП* резюмируется следующим образом:

---

¹⁰ См.: Walton 2006: 251–256.

[Закон] фактически уничтожает провозглашенные в Конституции Российской Федерации права граждан: на неприкосновенность частной жизни и жилища, частную собственность, на свободу передвижения, право родителей на воспитание детей. Он направлен на дискриминацию мужчин и разрушение семьи. (ИА REGNUM 2019)

«Разрушение семьи» же интерпретируется так:

...создание «мира без границ и без дискриминации», где права всех меньшинств, прежде всего сексуальных, будут не просто законодательно закреплены, но и получают приоритет над интересами большинства и традиционно понимаемыми правами человека. Именно с этой целью активно поддерживается и финансируется т. н. «гендерная идеология» (рассматривающая «гендер» в отрыве от биологического пола как «социальный конструкт», который каждый себе выбирает из множества возможных), феминизм, программы «секспросвета» для детей, легализацию проституции и т. п. механизмы разрушения традиционного общества. (ИА REGNUM 2019)

Вот что утверждает *ПК*:

[Закон] имеет явную антисемейную направленность, умаляя права и свободы людей, избравших семейный образ жизни, рождение и воспитание детей в сравнении с остальными. Несправедливо обременяя семейных людей и родителей, законопроект, тем самым, фактически вводит особое «наказание за семейную жизнь». ⟨...⟩ Законопроект создает новые возможности для произвольного отстранения родителей от воспитания детей, разлучения детей и родителей. ⟨...⟩ Антисемейная пропаганда... содействует росту уровня насилия в обществе, подрывая его основу — семью. Такого рода пропаганда безнравственна, разрушительна и опасна не только для общественной жизни, но и для национальной безопасности. (ПКВСЗМД 2019)

Таким образом, принятие закона о профилактике семейно-бытового насилия — это только первый шаг в программе, включающей в себя угнетение сексуального большинства меньшинством, введение наказания за семейную жизнь, разрушение семьи, легализацию проституции, пропаганду смены гендера, сексуальное просвещение детей и ювенальную юстицию (понимаемые, соответственно, как развращение детей и их отъём из семей) и т. д. Все эти вещи в конечном итоге должны привести к уничтожению российского обще-

ства и государства. В данном случае можно наблюдать аргумент от негативных последствий¹¹ (принятие закона о домашнем насилии повлечет за собой нежелательные следствия, поэтому его не стоит принимать); при этом негативность этих последствий подчеркивается обильным использованием «нагруженных терминов»: «разрушение», «наказание», «безнравственная пропаганда» и т. д.

3. «Анти-гендерный поворот» в России

Изложенные выше тезисы, в особенности описание программы изменений, которые предположительно должны последовать за принятием закона о домашнем насилии, хорошо ложатся на риторику, используемую движениями глобального «анти-гендерного поворота». «Анти-гендерным поворотом» называют волну общественных мобилизаций, начавшуюся в середине 2000-х и ставшую действительно заметной после 2012 г., когда в Париже прошли массовые демонстрации против однополых браков. Среди стран, затронутых «анти-гендерным поворотом», называют также Испанию, Италию, Хорватию, Германию, Словакию, Словению, Польшу, Венгрию и т. д. (Paternotte, Kuhar 2018: 7–8). Патернотте и Кухар выделяют несколько основных пунктов, с которыми борются анти-гендерные движения по всему миру: однополые браки и трансгендерный переход, репродуктивные свободы и технологии, сексуальное образование детей, гендерные исследования и «гендерная идеология», понимаемая как новая форма тоталитарной идеологии (Paternotte, Kuhar 2018: 9–10). При этом весь этот комплекс явлений воспринимается как «чума из Брюсселя» — идеологическая колонизация народов мира со стороны богатых, развращённых и бездуховных элит Европы (Korolczuk, Graff 2018: 797). Идеологию и распространение анти-гендерных движений связывают также с всемирным ростом правого популизма, а одним из их центральных приёмов называют использование фигуры «невинного ребёнка» для раздувания моральной паники (Paternotte, Kuhar 2018: 11–13).

Как видно, предполагаемая программа действий проponentов закона о домашнем насилии, изложенная в конце предыдущего раздела, практически полностью повторяет список того, чему противостоят анти-гендерные движения по всему миру: закрепление прав гомосексуальных и трансгендерных людей, насаждение «гендерной идеологии», сексуальное образование детей, и надо всем этим — ювенальная юстиция, изымающая ребёнка из семьи. На основании этого сходства кажется правомерным классифицировать движение оппонентов закона о домашнем насилии как часть мирового «анти-гендерного поворота».

Вместе с тем, налицо и своя специфика¹². Как отмечают Патернотте и Кухар, большинство анти-гендерных движений — это общественные инициа-

---

11 См.: Walton 2006: 104–101.

тивы (Paternotte, Kuhar 2018: 7), а по наблюдениям Графф и Корольчук, они в значительной степени мотивированы антиколониальной и классовой неприязнью к богатым политическим элитам и в определённом смысле перехватывают традиционно левую повестку (Korolczuk, Graff 2018: 807–810). В рассматриваемом мной случае же одна и та же риторика используется как общественными объединениями (*ОП*), так и церковью (*ПК*) и самим государством (*МЮ*). Антиколониальные и классовые чувства, таким образом, направляются не на элиты собственной страны, как в случае с большинством анти-гендерных движений, но на зарубежные зловерные силы (ЕСПЧ, Фонд Сороса) и их пособников внутри страны: феминисток, ЛГБТ-людей, «иностранных агентов», которые воспринимаются как культурно чуждые и, вероятно, более состоятельные, чем большинство населения России: достаточно посмотреть на обвинения этих людей в зарубежном финансировании, встречающиеся в двух текстах их трёх (*ОП*, *ПК*). Вместо оппозиционности, анти-гендерная риторика приобретает характер силы, призванной консолидировать нацию.

4. Заключение

Суммируя всё вышесказанное, можно описать нарратив, структурирующий риторику противников принятия закона о профилактике семейно-бытового насилия, следующим образом:

Сторонники принятия закона — агенты сил, враждебных России. Они вводят общественность в заблуждение, сочиняют несуществующую статистику и создают видимость поддержки, хотя на самом деле никаких чрезвычайных проблем с домашним насилием в России нет, существуют все необходимые механизмы для борьбы с ним. Пропоненты демонизируют мужчин и хотят подвергнуть их дискриминации, хотя если кто и страдает от домашнего насилия, то это мужчины. Кроме того, они хотят переопределить само понятие насилия и бороться с помощью законов с тем, что является естественной частью семейной жизни. Конечная же их цель, шагом к которой является принятие этого закона — это насаждение «гендерной идеологии», разрушение традиционной семьи, насилие над детьми и, в итоге, уничтожение российского общества. Поэтому принятию этого закона нужно противостоять всеми силами.

---

12 По замечанию анонимного рецензента, помимо синхронного анализа, существует также необходимость в асинхронном, историческом анализе российского «анти-гендерного движения». Безусловно признавая важность этого замечания, в этой работе я не затрагиваю вопрос конкретных исторических предпосылок исследуемого явления в российском контексте, оставляя его для дальнейших исследований.

Как показано в работе, выстраивание этого нарратива использует аргументацию от негативных последствий, от сущностного определения и *ad hominem*, а также активно применяет «нагруженные термины», сильные эмоциональные коннотации которых призваны вызвать в аудитории негативный аффект по отношению к закону и его проponentам.

Кроме того, нарратив демонстрирует содержательное сходство с риторикой движений «анти-гендерного поворота» по всему миру. Однако, если в большинстве случаев эти движения имеют низовой и оппозиционный характер, случай России отличается: здесь схожую риторику используют как гражданские активисты, так и официальные представители церкви и государства. Применение одной и той же риторики на всех уровнях общества подразумевает некоторое народное единство — стремление всей страной встать плечом к плечу и не допустить разрушения семьи и традиций. Такое умелое использование заимствованного из-за рубежа нарратива для укрепления собственной идентичности и солидарности позволяет канализировать недовольство населения, имеющее классовый и антиколониальный характер, и направить его не против собственных элит, но против предположительных внешних врагов и их внутренних пособников, создав, во всяком случае на время, видимость национального объединения.

В качестве перспектив для дальнейших исследований можно наметить следующие вопросы: является ли ситуация России уникальной для движений «анти-гендерного поворота»? Насколько реален и действенен эффект народного единства, конструируемый за счёт повторения одной и той же риторики на всех уровнях институциализации? Можно ли установить происхождение анти-гендерной риторики в России: апроприирует ли её церковь и государство у общественных инициатив, или, напротив, она спускается сверху вниз? Кроме того, необходимо учитывать несомненную частичность выводов этой работы, которая ограничивается синхронным анализом «анти-гендерной» риторики в общемировом контексте и не затрагивает вопрос об её предпосылках и истории на российской почве. Наконец, сам конфликт вокруг законопроекта о домашнем насилии нельзя считать завершённым, пока закон не принят или не отклонён, и дальнейшее наблюдение за ситуацией и общественной дискуссией также может принести интересные открытия.

Литература

- АЦ «Семейная политика.РФ» 2019 — Правовой анализ проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // АЦ «Семейная политика.РФ», 02.12.2019. URL: <http://www.familypolicy.ru/rep/rf-19-051-01.pdf> (дата обращения: 08.01.2020).
- Ванунц 2019 — Ванунц Г. Врага нужно знать в лицо. Как из Джорджа Сороса сделали мирового злодея // Republic, 26.01.2019. URL: <https://republic.ru/posts/92900> (дата обращения: 08.01.2020).

- Горин 2019 — *Горин В.* Финальная версия законопроекта о домашнем насилии стала неожиданностью для его соавторов. Они назвали документ «реверансом в сторону фундаменталистов» // *Медуза*, 30.11.19. URL: <https://meduza.io/feature/2019/11/30/opublikovannyu-sovetom-federatsii-zakonoproekt-o-domashnem-nasilii-stal-neozhidannostyu-dlya-ego-soavtorov-oni-nazvali-dokument-reveransom-v-storonu-fundamentalistov> (дата обращения: 07.01.2020).
- Государственная Дума 2016 — Протокол № 8 заседания Совета Государственной Думы от 01.11.2016, п. 142 // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/61A5C089-DBFA-4AB6-B003-DDE03C056A67> (дата обращения: 07.01.2020).
- ИА REGNUM 2019 — Открытое письмо президенту России В. В. Путину «Мы против принятия Закона о семейно-бытовом насилии!» // ИА REGNUM, 15.10.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2748248.html> (дата обращения: 07.01.2020).
- Клейн 2000 — *Клейн Л.* Другая любовь: природа человека и гомосексуальность. СПб.: Фолио-Пресс, 2000.
- Кон 2002 — *Кон И.* Лики и маски однополрой любви. 2-е изд. М.: Олимп, 2002.
- Коробка 2019 — *Коробка Е.* Представители жертв домашнего насилия проанализировали позицию российских властей, представленную в ЕСПЧ // *Адвокатская газета*, 30.12.2019. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/predstaviteli-zhertv-domashnego-nasiliya-proanalizirovali-pozitsiyu-rossiyskikh-vlastey-predstavlennuyu-v-espch/> (дата обращения: 07.01.2020).
- Миронова 2019 — *Миронова К.* В социальных сетях продвигают закон против домашнего насилия // *Коммерсант*, 19.07.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4038476> (дата обращения: 07.01.2020).
- ПКВСЗМД 2019 — Заявление Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства в связи с обсуждением проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // *Русская Православная Церковь. Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства*, 03.12.2019. URL: <http://pk-semya.ru/novosti/item/7669-o-profilaktike-semejno-bytovogo-nasiliya-v-rossijskoj-federatsii.html> (дата обращения: 07.01.2020).
- Совет Федерации 2019 — Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации, 29.11.2019. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 07.01.2020).
- Черных 2019 — *Черных А.* Правительство защищает мужчин от женщин. Россия ответила ЕСПЧ на запрос о домашнем насилии // *Коммерсант*, 19.11.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4163633> (дата обращения: 07.01.2020).
- ЕCHR 2019a — TUNIKOVA v. RUSSIA and 3 other applications (55974/16, 53118/17, 27484/18, 28011/19) // *European Court of Human Rights*, 28.06.2019. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-194607> (accessed: 07.01.2020).
- ЕCHR 2019b — CASE OF VOLODINA v. RUSSIA (41261/17) // *European Court of Human Rights*, 09.07.2019. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-194321> (accessed: 08.01.2020).
- Korolczuk, Graff 2018 — *Korolczuk E., Graff A.* Gender as ‘Ebola from Brussels’: The Anti-colonial Frame and the Rise of Illiberal Populism // *Signs*. 2018.

Vol. 43, no. 4. P. 797–821.

Paternotte, Kuhar 2018 — *Paternotte D., Kuhar R.* Disentangling and Locating the “Global Right”: Anti-Gender Campaigns in Europe // *Politics and Governance*. 2018. Vol. 6, no. 3. P. 6–19.

Walton 2006 — *Walton D.* *Fundamentals of Critical Argumentation*. Cambridge University Press, 2006.